

ВИКТОРИЯ КОРИТНЯНСКАЯ

Одно из явлений природы – гроза

Облака нерестились над Одессой в августе. Неповоротливые и отяжелевшие, они медленно приплывали к 16-й станции Большого фонтана и там, где желтый мыс врезался в синее море, разрешались от бремени.

Ангелы прилетали заранее. Будто невидимые истуканы, они сидели на вершинах деревьев, напряженно всматриваясь в дрожащую от жары полосу горизонта. Вскоре синева неба покрывалась первыми белоснежными головами. В тот же миг ангелы оживали. Радостно потирая руки, они вскакивали с насиженных мест, а самые молодые даже взмывали в воздух.

Завидев ангелов, облака темнели от гнева. Они знали, зачем ждут их крылатые люди, но установленный во Вселенной порядок был непреложен. В обреченном безмолвии моря и неба начинался нерест.

Ангелы тотчас взвивались в воздух. Дружно взмахивая крыльями, они поднимали ветер. Он разносил новорожденных по небу и те, оторванные от матерей, в ужасе металась между снежно-белых лент туповины. Потом ангелы хватили новорожденных и уносили высоко к звездам. Там они бросали их в клетки, и белоснежные комочки облачной плоти, лишённые солнца и неба, тут

же чернели. Ничего не видя и не слыша, облачка росли в полном одиночестве, постепенно наливаясь обидой. Через восемнадцать лет они превращались в тучи. Тогда их отпускали. Никто не знал, кто и когда будет следующим, но каждый раз повторялось одно и то же: резко вспыхивал в клетках свет, гремели засовы, и звуки борьбы обезумевших от неизвестности и страха туч с ангелами далеко разносились по небу.

Ангелы всегда были сильнее. Они выталкивали узников и те, забывшие, что умеют летать, падали, обливаясь слезами, на Землю и разбивались...

Февраль, 2021 г.

ЕЛЕНА ПАЛАШЕК

Счастье оптом и в розницу, или Исповедь одесской сумки

Покупатели от меня шарахаются, будто я прокажённая. Больше трёх лет моя обречённость пылится на полке в торговом контейнере на рынке «Седьмой километр», где торгуют по найти, шепча маркетинговые мантры, где показать направление не стоит денег, но отвести за руку в нужное место с большими скидками, стоит дороже, чем деньги. В этом благословенном и проклятом вместилище сомнительной благодати я страдаю одновременно с моей реализаторшей, весьма симпатичной, ухоженной и любящей «сделать клиентам красиво». Вместе с ней я раскаляюсь летом и промерзаю зимой, рассчитываю на оживление покупательского спроса весной и грущу в ожидании его падения осенью. И не задумываюсь над вопросом «кто ответит за базар в нашей судьбе?»

Я вас уверяю, что «Седьмой километр» – самое неудачное название для этого левиафана, который распластал своё ненасытное тело на окраине Одессы. Даже у меня есть что предложить получше: от высосанного из пальца «Оновамнадо» до «Айнэнэ по-одесски», и это смягчённое название, дабы не пугать людей словом «разводняк». Нет, лучше так: «Товары для особо одарённых».

Но будь моя воля, этот рынок звался бы: «Ослы и сумки». Понимаете, владельцы налички (карточная цивилизация сюда пробивается с трудом) действительно ослы: три года меня, красавицу писаную с двумя ручками на все случаи жизни, только мнут, дают и массируют, а потом снова ставят на полку.

«Не смотрите меня руками!» – хочется сказать по-одесски и местным, и приезжим. – «Моя рециклированная кожа, изготовленная из обрезков дублёнок, хронически страдает от одуряющей жары и собачьего холода, от вековой пыли и старых колючих тряпок, но больше всего от вашего недостойного невнимания».

Но я помалкиваю, не понимая, что со мной не так. Неужели отталкивает моё трёхцветье?

Я вас уверяю, на чёрно-коричневом фоне мне прибавляет шармана моя жёлтая, почти золотая интерполяция. Это слово произошло то ли от латинского «inter-polis», что означает – разглаженный и обновлённый, даже преобразованный, или от другого латинского слова «interpolatio» – изменение, искажение или вставка инородного происхождения в каком-либо тексте. Это слово я услышала от мужа реализаторши, кандидата математических наук, который, помогая ей получать и разгружать товар, награждает нас ещё и не такими терминами. Супруги долго спорили тогда о его значении, вот я и запомнила.

Но покупатели спрашивают, требуют и выгребают одноцветные сумки-сумочки-сумяры, а меня уже третий год, повторяю, только лапают.

Откуда у людей тяга к монохромии? Представьте, если б весь мир стал коричневым или чёрным, как эти, таки да, самые ходовые цвета.

Когда я вижу очередную дамочку, выбирающую чёрную сумочку, так и хочется покопаться в её дубовой башке тщательней, чем она копаётся в хозяйственной сумке, и найти здоровый смысл – вдруг да очнётся и оторвёт взгляд от моих скучных соседок.

Несомненно, я уважаю выбор каждого покупателя, хотя и не помню зачем, но так и хочется спросить по-одесски: «Ну, так вы будете брать, или забыть вас навсегда?» А потом крикнуть вдогонку: «Покупайте меня хотя бы понемножку!»

И вот однажды, почти перед закрытием рынка, появился он, мой спаситель – юноша с азиатскими глазами, узкими губами и крупным мясистым но-

сом. «Бывает и хуже», – мысленно вздохнула я и обречённо успокоилась. Однако молодой человек произнёс странные слова:

– А у вас есть залежалый товар, ну, подешевле? Мне захотелось крикнуть так громко, чтоб слышали на другом конце Одессы: «Не уговаривайте, я согласна!»

Увы, переутомлённая реализаторша привыкла к моему присутствию настолько, что забыла меня предложить и пошла в подсобку за монохромными особами.

Внезапно, о, мои сумчатые боги, юноша остановил её и спросил, показывая на меня:

– А эта – дорогая? Сумкоприказчице не хватало хитрости, поэтому она простодушно улыбнулась:

– Я бы вам отдала и так, но, простите, хозяйка заругает. Обратите внимание на скидку: эти пятьдесят – это ж практически сто процентов. Так что берите, не пожалеете.

«Свершилось!» – обрадовалось моё показное одиночество, как только я попала в чёрный вонючий пластиковый пакет. «О, дайте, дайте мне свободу», – всю дорогу крутился в голове отрывок из арии князя Игоря, которую любила напевать моя реализаторша, музыкант по профессии.

Наконец пакет распахнулся, и я услышала приятный женский голос:

– Ничо так, весёленькая! Даже сжигать жалко.

– Я тоже подумал, что с ней фотоотчёт для спонсоров будет выглядеть убедительнее. Правда, пришлось отдать чуть больше, чем планировали. Но мы же за перспективу страдаем, – молодой человек раскурил две сигареты и одну отдал хозяйке приятного голоса и невообразимых цветных татуировок, украшавших руки и шею.

– Намного больше?

– Не бери в голову, так, мелочь. Зато я договорился, и мне выписали бумажку с удвоенной цифрой.

– Да-а-а, ты лихой чертяка, но идея перформанса превыше всего. Понимаешь, сумка – это символ заполненного пространства, поглощающего события, где найти нужное практически невозможно, поэтому набей её газетами, – обладательница приятного голоса затушила сигарету прямо о стол и смахнула бычок на пол. – Да... напиши ещё один плакат: «Избавляйтесь от ненужных вещей, как от ненужных людей». Завтра вставим в пасть этого недоразумения.

«Что? Вы о чём?» – мысленно визжала я не своим голосом, приземлившись на кучу барахла в углу комнаты в полуподвальном грязном помещении.

На следующий день весь хлам выставили на обозрение в центре городского парка и подожгли. Вокруг наворачивал круги несколько странный, одетый в лохмотья молодняк.

Когда ко мне приближался язык огня, а совсем рядом уже пылали другие спутники людской жизни, я думала о том, что хочу ещё лет сто пылиться на полке в контейнере, и чтоб покупатели меня бесконечно лапали и никогда-никогда не покупали.

Стоп!

Не рыдайте над моей печальной судьбой! В последнюю минуту осототатуированная дама выхватила меня из огня со словами:

– Пригодится...

Я обняла свою спасительницу длинной, кое-где потресканной ручкой, прижалась к её бедру и ощутила, что счастье – это просто, просто быть здесь и сейчас, вот неважно где, неважно с кем, а просто быть.

ТАТЬЯНА ОРБАТОВА

МЕЖДУ ЯВЬЮ И БЫЛЫМ

Гнезятся в сердце три сестры – очеловеченные птицы, одна из них подобна чтице, чужды ей всякие пиры – сама себе стихи читает, но будит жёсткое ребро, на отражённый звук – перо с улыбкой нищенки роняет.

В другой сестре заложен ген кипучих действий и революций, в ней волны гнева шумно бьются, в ней дух желает перемен. Она, как кость во властном горле, оса – на царственном носу, идёт бесстрашно на грозу, и в буре ищет отклик горний.

Влечение третьей птицы – свет. Душа от чувства прорастает, с любовью ввысь, за птичьей стаей. Росток сначала мал и слеп, но время жизнью колосится. Без сна небесный хлебопёк катает солнца колобок, и обретает зренье птица.

Бывает, дни черней золы, и крест безмерный – не по силам, бывает, боль заголосила, но между явью и былым в гнезде сердечного ковчега такая тяга к небесам... И дышит память первым снегом, и крылья жертвует стихам.

МОРЕ

Я знаю, море – логика небес, простое слово первого порядка, пока глаголы бьются в волнорез, оно горчит в альбомах и тетрадках. Посмотришь вскользь – такая пустота покажется во тьме его природы, что кораблей надёжные борта теряются из виду, словно годы. Но всмотришься в холодное нутро – утёс в нём отражается безлико, и вдруг блеснет беззвучно серебро живых рыбёшек – на границе криков людей и чаек. Песни веков почудятся в многоголосье птичьем. Обман и пушки убивают слух, морские волны оживляют притчи.

ТЫ ГОВОРИЛ

Ты говорил: не надо помнить всё, достаточно себя и это небо... В спортивной кофте, с шарфиком нелепым, смеялся и цитировал Басё.

А солнце-колобок на пень небесный катил свою румянность из кулис, в чернильной туче спал полезный случай, и в облаке резвился рыжий лис, пока тянулся вдалеке ход крестный.

Ты говорил: в дыхании – туман всех горестей и сумрачного зова, но мёд рассвета подслащает слово, кто любит слово, тот, как прежде, зван.

А ветер дня гулял по острым скалам скалистых гор и брал под локотки святые сны. Теснились близ луны молитвы – одуванчиков желтки.

Ты говорил: не спи!
И я проснулась.

Ты говорил: твой мир – произносимый во благо матери, отца и сына.

СПАСЁННЫЙ

Играющий событиями впрок – спасённый Мир с глазами на восток – смиряет зло в Пасхальную Неделю, и пьёт любовь, и смотрит в себя, и обнимает, солнечно любя, любого, кто на смерть судьбу не делит, кто в пламени сердечного желтка спасённым Миром был до Неба ткан, кто время жатвы в мертвенную плоть вобрал, и стал Земле и всем – ломоть исконной силы...

Мир весенний зелен – от первого замеса и доселе.